

I Кое-что, во что я верю

*«Я верю, что в войне между пушками
и идеями в конце концов победят идеи».*

Мой символ веры

Я верю, что идею трудно убить, потому что идеи невидимы, очень заразны и очень проворны.

Я верю, что вы вольны противопоставлять свои собственные идеи тем, которые вам не по душе. У вас есть полное право доказывать, объяснять, истолковывать, спорить, обижать, оскорблять, злиться, высмеивать, воспевать, сгущать краски и отрицать.

Я не верю, что в попытках остановить распространение неприятных вам идей имеет смысл сжигать, стрелять и взрывать, разбивать людям головы камнями (очевидно, чтобы нехорошие идеи вышли наружу), топить несогласных или даже завоевывать их города. Все это не поможет. Идеи — точь-в-точь как сорняки: прорастают там, где их не ждешь, и потом от них уже не избавиться.

Я верю, что подавление идей только способствует их распространению.

Я верю, что люди, книги и газеты — это носители идей, но сжигать людей, которые забрали себе в голову какую-то идею, так же бессмысленно, как бомбить газетные архивы. Попросту говоря, уже поздно. С идеями всегда так: они всегда на шаг впереди. Они ужеобрались людям в головы и сидят там, дожидаясь своего часа. Их передают друг другу шепотом. Их пишут на стенах под покровом ночи. Их воплощают в рисунках.

Я верю, что идея не обязана быть правильной, чтобы иметь право на существование.

Я верю, что вы имеете полное право веровать всей душой, что образы божества, пророка или человека, которые вы чтите, священны и непорочны, — точно так же, как я сам имею полное право веровать в святость слова и святость права на насмешки, замечания, споры и выражение собственных мнений.

Я верю, что у меня есть право ошибаться — и в словах, и в мыслях.

Я верю, что вы можете бороться с этим, выдвигая свои аргументы или попросту не обращая на меня внимания, — и что сам я могу точно так же бороться с теми ошибками, которые, по моему мнению, допускаете вы.

Я верю, что у вас есть полное право придерживаться мнений, которые я нахожу оскорбительными, глупыми, нелепыми или небезопасными, и что вы вправе высказывать, выражать на письме и распространять эти мнения сколько угодно. Я же, со своей стороны, не имею права убивать и калечить вас или отнимать у вас имущество и свободу только потому, что ваши идеи кажутся мне опасными, обидными или попросту отвратительными. Возможно, и вам некоторые мои идеи кажутся сущей мерзостью.

Я верю, что в войне между пушками и идеями в конце концов победят идеи. Потому что идеи невидимы, и очень живучи, и даже иногда на поверку оказываются правильными.

Errur si tuove: и все-таки она вертится!

Отрывок из этого эссе был впервые опубликован
в газете «Гардиан» 19 января 2015 года, с иллюстрациями
Криса Ридделла. Полностью впервые опубликовано
в журнале «Нью Стейтсмен» 27 мая 2015 года,
с иллюстрациями Дэйва Маккина.

---

*Почему наше будущее зависит
от библиотек, чтения и умения мечтать:
лекция, прочитанная в Агентстве
по чтению¹ в 2013 году*

Очень важно, чтобы люди вам говорили, на какой они стороне и почему — и стоит ли ожидать от них пристрастности. Эдакая декларация членских интересов. Итак, я намерен поговорить с вами о чтении. И рассказать о том, как важны библиотеки. И даже предположить, что чтение художественной литературы, чтение удовольствия ради — одна из важнейших вещей, которыми вообще может заниматься человек. Сейчас я буду от всего сердца призывать вас понять, что такое на самом деле библиотеки и библиотекари, и спасти то и другое.

И в этом вопросе я очень пристрастен — невероятно и очевидно: я — писатель, и в том числе автор художественной литературы. Я пишу для детей и для взрослых. Вот уже около тридцати лет я зарабатываю на жизнь словом — в основном выдумывая всякие вещи и потом записывая их. В моих прямых интересах, чтобы люди читали — и читали художественную литературу; чтобы библиотеки и библиотекари продолжали жить и помога-

---

¹ Независимая британская благотворительная организация, поощряющая чтение. — Здесь и далее примечания переводчиков, если не указано иное.

ли воспитывать любовь к чтению и к тем местам, которые предназначены для чтения.

Так что да, я пристрастен как писатель.

Но в еще большей — и гораздо большей! — степени я пристрастен как читатель. И даже еще более пристрастен — как гражданин Великобритании.

И сегодня я выступаю с этой речью под эгидой Агентства по чтению, благотворительной организации, миссия которой — предоставить всем и каждому равные шансы в жизни, помогая стать уверенным и увлеченным читателем книг. Эта организация поддерживает образовательные программы, библиотеки и частных лиц, а также не прикрыто и безо всякого удержу поощряет сам акт чтения. Потому что, как уверяют эти люди, когда мы читаем, все вокруг меняется.

И вот об этих-то переменах, об этом-то акте чтения я и хочу поговорить с вами сегодня вечером. Я хочу поговорить о том, что делает с нами чтение. И для чего оно вообще нужно.

Как-то в Нью-Йорке я слушал чье-то там выступление о строительстве частных тюрем — эта отрасль переживает сейчас в Америке период колоссального роста. Тюремная индустрия тоже должна планировать свое будущее развитие: сколько камер ей понадобится в следующем году? Так вот, они обнаружили, что предсказать это очень легко — с помощью простейшего алгоритма, основанного на статистике: какой процент десяти- и одиннадцатилеток не умеет читать (и уж конечно не знает, что такое чтение ради удовольствия).

Это не однозначное соотношение: нельзя сказать, что в поголовно грамотном обществе нет преступности. И все же корреляции очень реальны.

И, мне думается, некоторые из них, самые простые, основаны на чем-то прямо-таки невероятно простом. Грамотные люди читают художественную литературу, а художественная литература нужна для двух вещей. Во-

первых, это стартовый наркотик, подсаживающий на чтение. Желание узнать, что там будет дальше, перевернуть страницу; тяга продолжать, как бы ни было тяжело, потому что кто-то попал в беду, и теперь вы просто обязаны узнать, чем оно все закончится...

...вообще-то это очень серьезная тяга. Она заставляет людей учить новые слова, думать новые мысли, не сдаваться. И открывать для себя, что чтение само по себе уже приносит удовольствие. Стоит это почувствовать, и вам останется одна дорога — читать все подряд. Чтение само есть ключ. Несколько лет назад поднялся было какой-то шум (впрочем, совсем ненадолго), что мы, дескать, живем в постлитературную эпоху и что умение извлекать смысл из написанных кем-то слов больше нам не пригодится. Сегодня этот шум уже стих: обнаружилось, что сейчас слова для нас стали еще более важны, чем когда-либо. С помощью слов мы ориентируемся в мире, а коль скоро мир неуклонно скатывается в интернет, нам приходится следовать за ним. То есть — понимать, *что* мы читаем на экране, и уметь передать другим это понимание.

Люди, которые не понимают друг друга, не могут обмениваться идеями, не могут общаться, а возможности программ-автопереводчиков далеко не безграничны.

Самый простой способ воспитать грамотных, образованных детей — это научить их читать и показать, что чтение — очень приятное занятие. В самом простом варианте это означает находить книги, которые детям нравятся, обеспечивать доступ к этим книгам и позволять их читать.

Не думаю, что существует такое явление, как плохая детская книга. То и дело среди взрослых возникает мода взять какой-нибудь жанр детской литературы или, скажем, автора и объявить, что это плохие книги и нельзя давать их читать детям. Я уже не раз такое видел: и Энид Блайтон называли плохой писательницей, и Р. Л. Стайна,

и еще десятки других¹. Кстати, считалось, что комиксы способствуют безграмотности.

Это вздор. Более того, это снобизм и глупость.

Не существует плохих детских писателей — если детям они нравятся и дети хотят их читать. Потому что все дети разные. Они сами в состоянии отыскать истории, которые им нужны, сами могут решить, прочесть их или нет. Избитая, банальная идея совсем не избита и не банальна для того, кто столкнулся с ней в первый раз. Даже если вы считаете, что какая-то книга не подходит для ребенка, это не повод запрещать ее. Несимпатичная вам книга вполне может оказаться тем самым стартовым наркотиком, который приохотит ребенка к другим книгам — в том числе и тем, которые вы сами были бы рады ему дать. И потом, не забывайте: вкусы у всех разные.

Благонамеренные взрослые с легкостью могут уничтожить в ребенке любовь к чтению: достаточно не давать ему читать то, что нравится, или давать достойные, но скучные книги, которые нравятся *вам*, — современный эквивалент викторианской «исправительной» литературы. В итоге у вас получится поколение, совершенно уверенное, что читать — это некруто и, еще того хуже, неинтересно.

Мы только должны поставить ребенка на первую ступеньку читальной лестницы — и тогда все, что ему понравилось читать, будет продвигать его, ступенька за ступенькой, вверх, к настоящей образованности.

(Ну и еще не надо повторять ошибок вот этого вот писателя, который сейчас стоит перед вами и который подсунил своей одиннадцатилетней дочери, обожавшей Р. Л. Стайна, экземпляр «Кэрри» Стивена Кинга, со слова-

---

¹ Энид Блайтон (1897—1968) — британская писательница, автор детских книг-бестселлеров, проданных по всему миру тиражами более шестисот миллионов экземпляров. Роберт Лоуренс Стайн (р. 1943) — американский писатель, прозванный «Стивеном Кингом» детской литературы.

ми: «Если тебе нравится вон то, явно понравится и вот это!» С тех пор и где-то до середины подросткового периода Холли читала исключительно мирные сказки об американских пионерах на лоне прерий и до сих пор кидает на меня свирепые взгляды, стоит только упомянуть Кинга.)

Вторая вещь, которую делает художественная литература, — она пробуждает эмпатию. Когда вы смотрите телевизор или кино, вы видите то, что происходит с какими-то другими людьми. А художественная проза — это то, что вы строите сами, из двадцати шести букв и горсточки знаков препинания. Вы сами, единолично, создаете целый мир, и населяете его персонажами, и глядите на него их глазами. Вы чувствуете такие вещи и посещаете такие места и миры, о которых иначе бы даже не подозревали. Вы узнаете, что каждый там — тоже «я», тоже вы. Вы становитесь кем-то еще, а потом возвращаетесь в свой собственный мир уже немножко другим.

Эмпатия — это инструмент, который строит из отдельных людей группы и сообщества, потому что дает каждому возможность побыть не просто самоупоенным индивидуумом, а чем-то большим.

А еще, читая, вы узнаете одну вещь, которая потом будет жизненно важна для обретения собственного пути в этом мире. Вот какую:

ОН, МИР, НЕ ОБЯЗАН БЫТЬ ИМЕННО ТАКИМ. ВСЁ МОЖНО ИЗМЕНИТЬ.

Художественная литература может показать вам другой мир. Она отведет вас туда, где вы еще не бывали. А посетив иные миры, вы, подобно тем, кто отведал пищи фей, уже никогда не будете полностью довольны миром старым, в котором выросли и привыкли жить. Недовольство — вообще-то отличная штука: оно дает человеку возможность изменять и исправлять свой мир, оставляя его после себя лучше, чем он был.

И раз уж мы об этом заговорили, позволю себе несколько слов об эскапизме. Его обычно считают чем-то

плохим. Вроде как «эскапистская» литература — это что-то вроде дешевого опиата на потребу запутавшимся в иллюзиях глупцам, и единственная литература, годная что для детей, что для взрослых, — это литература «реалистическая», подражательная, демонстрирующая, как в зеркале, все самое худшее, что только есть в мире, где волею судеб очутился читатель.

Если вы оказались заперты в невыносимой ситуации, в неприятном месте, с людьми, которые желают вам зла, и кто-то вдруг предлагает вам пусть временное, но все же спасение — почему бы не воспользоваться шансом? Именно этот шанс и дает нам эскапистская литература: она открывает дверь к свободе, показывает, что снаружи светит солнце, подсказывает дорогу в места, где вы снова окажетесь у руля и в компании тех, с кем действительно хотите быть (а книги — это самые что ни на есть реальные места, давайте не будем об этом забывать). И, что еще более важно, во время такого побега книги помогают вам лучше понять мир и то затруднительное положение, в котором вы оказались; они дают вам оружие, дают доспехи — самые настоящие, реальные вещи, которые вы потом сможете унести обратно, в свою тюрьму. Знания, умения и инструменты, которыми вы сможете воспользоваться, чтобы сбежать уже взаправду.

Как говорил К. С. Льюис, единственные, кто всегда протестует против побега, — это тюремщики.

Еще один способ убить в ребенке любовь к чтению — это, конечно же, сделать так, чтобы вокруг вообще не было никаких книг. Или, если книги есть, чтобы их нигде было читать.

Мне повезло: когда я рос, у нас по соседству была просто превосходная библиотека. И родители у меня были из тех, кто на летних каникулах может по дороге на работу просто забросить туда ребенка... а библиотекари ничего не имели против, чтобы маленький мальчик самостоятельно шастал к ним каждое утро и собственными

силами прогрызал дорогу сквозь предметный каталог в поисках книг, где были бы призраки, магия или ракеты — а еще лучше, если вампиры, сыщики, ведьмы, чудеса... И, закончив с детской секцией, принялся бы за взрослые книги.

Это были очень хорошие библиотекари. Они любили книги и любили, чтобы книги читали. Они научили меня заказывать книги из других библиотек по межбиблиотечному абонементу и никогда не насмехались над тем, что я хотел прочесть. Им, кажется, просто нравилось, что есть вот такой малыш с громадными глазами, который любит читать. Они разговаривали со мной о книгах, находили мне следующие тома из серий и вообще помогали чем могли. Они относились ко мне как к одному из читателей — не больше, но и не меньше, — а это значит, что они относились ко мне с уважением. В свои восемь лет я как-то не привык, чтобы ко мне относились с уважением.

Библиотеки — это Свобода. Свобода чтения, свобода идей, свобода общения. Библиотеки — это образование (которое отнюдь не заканчивается в тот день, когда за нами закрываются двери школы или университета), это развлечение, это безопасные убежища и неограниченный доступ к информации.

Меня очень беспокоит то, что здесь, в двадцать первом веке, люди неправильно понимают, что такое библиотеки и зачем они нужны. Если для вас библиотека — это просто полка с книгами, ей впору показаться старомодной или даже устаревшей в эпоху, когда большинство печатных книг (хотя и не все) существует и в цифровом формате. Но те, кто так думает, упускают из виду самое главное.

Полагаю, дело тут на самом деле в природе информации.

Информация обладает ценностью, а ценность правдивой информации просто неизмерима. На всем протяже-